

ГЕНОЦИД МОНГОЛОВ В XIX в.: МЯТЕЖ СЕКТЫ ЦЗИНЬДАНЬДАО

© 2026

С.Л. Кузьмин¹

В статье проанализирован мятеж секты Цзиньдандао и примкнувших к ней представителей других китайских сект в 1891 г. на востоке Внутренней Монголии. Мятеж был направлен против монголов, христианских миссионеров и новообращённых китайских христиан. В результате погибли десятки тысяч человек, подавляющее большинство из них — монголы, на ряде территорий монгольское население было истреблено или разбежалось. Массовое переселение монголов из зоны мятежа привело к изменению демографического состава и ухудшению положения населения Внутренней Монголии. Мятеж Цзиньдандао не был антиимпериалистическим или антифеодальным. Это был эпизод китайской колонизации Монголии, межнациональный конфликт, созданный колонистами. Показано, что действия мятежников в отношении монголов соответствуют современному международно-правовому понятию геноцида.

Ключевые слова: Монголия, Китай, империя Цин, мятеж Цзиньдандао, геноцид

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Геноцид монголов в XIX веке: мятеж секты Цзиньдандао. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 32–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-032-051

GENOCIDE OF THE MONGOLS IN THE NINETEENTH CENTURY: THE RIOT OF THE JINDANDAO SECT

Sergius L. Kuzmin

The article analyzes the riot of the Jindandao Sect and members of other Chinese sects who joined it in 1891 in the east of Inner Mongolia. The riot was directed against the Mongols, Christian missionaries and newly converted Chinese Christians. As a result, tens of thousands of people were killed, the vast majority of them Mongols, and the Mongolian population was exterminated or scattered over a number of territories. Mass migration of the Mongols from the affected area led to change in the demographic composition of the population of Inner Mongolia. The Jindandao riot was neither anti-imperialist, nor anti-feudal. It was an episode of the Chinese colonization of Mongolia, an interethnic conflict raised by the colonists. It is shown that actions of the rioters against the Mongols correspond to the modern concept of genocide in international law.

Keywords: Mongolia, China, Qing Empire, Jindandao riot, genocide

For citation: Kuzmin S. L. The Mongol Genocide in the Nineteenth Century: Riot of the Jindandao Sect. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 3. Pp. 32–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-032-051

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

В истории Внутренней Азии есть недостаточно изученные эпизоды. Одним из них является тот, который привёл в XIX в. к масштабной гибели монголов и турбулентности во Внутренней Монголии. Для анализа этого следует вначале кратко остановиться на статусе и ареале монголов в тот период.

В период китайской (ханьской) империи Мин монголы, потеряв китайские домены своей империи Юань, сохраняли условное единство на исторически населённых ими территориях. Однако междоусобицы, разрушившие империю Юань, обострились, препятствуя реинтеграции монгольских земель. Это стало одним из факторов успеха формирования империи маньчжуров.

В первые десятилетия XVII в. юго-восточные аймаки исторической Монголии — Аохан, Хорчин, Харчин (Харачин), Джалайт, Горлос, Найман, Тумэт, Баарин, Оннюд, Джаруд и др. приняли подданство маньчжурскому хану Хунтайджи (Абахая) с поднесением ему титула всемонгольского хана — Богдо-хана (Богдыхана), то есть верховного или священного хана, императора. Вследствие этого Хунтайджи заменил прежний этноним своей народности «чжурчжэнь» на «маньчжур» и провозгласил империю Цин. При последующих цинских императорах почти вся историческая Монголия на разных основаниях подчинилась им. Монголы верно понимали это как подчинение маньчжурской империи Цин, а не захваченному ею Китаю (подробнее см. [Дмитриев, Кузьмин, 2014]).

Подчинение и в ряде случаев произвол чиновников не отменяли важного преимущества этой ситуации перед предыдущей независимостью: на земле монголов воцарились мир и спокойствие. Колонизация их земель китайцами запрещалась установлениями «Лифаньюань» — «Палаты внешних сношений», или «Палаты по управлению внешними (или зависимыми) регионами». Такое положение сохранялось до XIX в. Однако проникновение китайцев (ханьцев) на земли монголов началось ещё в XVII и особенно XVIII в. Причиной был быстрый рост населения в китайских провинциях Чжили, Шаньдун и Шаньси. Вначале стали предоставлять землю «для обустройства народа», но на самом деле это была политика освоения земель и укрепления имперских границ. Затем были учреждены области, уезды и должности судей [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 1]. К середине XIX в. китайцы заселили уже значительную часть Внутренней Монголии, особенно южную и юго-восточную.

Со второй половины XIX в. заселение ханьцами территорий севернее Великой китайской стены стало официально поощряться. В 1878 г. вышел правительственный указ, разрешавший частным лицам покупку и сдачу в аренду участков земли во Внутренней Монголии. В 1880 г. были основаны колонизационные бюро, число которых возрастало. Эта политика вела к недовольству монголов. К концу XIX в. накапливались их претензии к местным властям: в некоторых хошунах (княжествах) монголы были вынуждены теперь покупать у китайцев землю по ценам, более чем в 30 раз превышавшим те, за которые они когда-то её продали [Позднеев, 1898, с. 131, 354].

Результатом стало возрастающее напряжение между монголами и китайскими колонистами, что привело к масштабному столкновению. Это событие, известное как инцидент, или восстание, или мятеж Цзиньдандао, описано в ряде китайских и западных источников, что позволяет в целом восстановить картину происходящего. Но многие детали оставались малоизвестными. После 1959 г. в КНР стали восхвалять этот мятеж как «Великое крестьянское восстание секты Цзиньдандао» [McCaffrey, 2011, p. 538] против империализма и феодализма. Были случаи не только его восхваления, но и фальсификации лозунгов мятежников, чтобы скрыть их национальный характер [Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Даже в японской публикации есть утверждение, что это восстание относится к начальным этапам антифеодальной, антироссийской и антияпонской борьбы, национально-освободительного движения [Sato, 1984], причем его антимонгольская

направленность проигнорирована. Игнорировалась она и в советских статьях, где это восстание оценивалось как антифеодальное и антидинастическое [Калюжная, 1963, с. 78–79; Тихвинский, 1971, с. 75]. Правда, даже в КНР появляются работы, где признаётся, что этот мятеж представлял собой кровопролитные убийства в виде мести между ханьцами и монголами, национальный конфликт, в котором обе стороны понесли потери [Тан Кайцзянь, Чжан Юй, 2005, с. 17–22].

Важные документы опубликованы в 1892 г. в «North China Herald» (факсимиле: [The anti-foreign riots..., 2003]) и в официальном цинском бюллетене «Цзинбао», известном как «Peking Gazette» [Translation..., 1892].

Весьма важной является работа Ван Гоцзюня (Буянбилэгту, 1853–1921), оставившего ценные записки о мятеже, очевидцем которого он был [Ван Гоцзюнь, 2006]. Его отец Чоглу в хошуне Барун-Харачин Внутренней Монголии занимал в то время должность мэйрэна (заведующего делами княжеской канцелярии). Есть детальные обзорные и аналитические работы [Hyer, 1977; Shek, 1980; Borjigin, 2004], в которых использованы не только документальные материалы, но и собственные данные, собранные на местах. Основаны они преимущественно на цинских, китайских и монгольских источниках. Детально описаны также земельные и другие отношения монголов и китайцев [McCaffrey, 2011].

В то же время примечательно почти полное отсутствие русскоязычных данных, хотя в тот период Российская империя проявляла растущий интерес к Монголии и Маньчжурии. Донесения российских дипломатов в империи Цин, сохранившиеся в АВПРИ, немногочисленны и касаются лишь действий мятежников против христиан, которые указаны там как главная цель мятежников (например, [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 109, л. 217–218; д. 110, л. 116–119об., 226–227]). Очевидно, это связано с особым интересом российских дипломатов к положению христиан и лучшей информированностью о них. Например, в одном из донесений российского посланника в Пекине А. П. Касини сказано, что, за немногими исключениями, многочисленные жертвы — китайские христиане [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 109, л. 241–242об.].

Одно из наиболее полных описаний — малоизвестная брошюра российского монголоведа А. М. Позднеева. Через два года после мятежа — в 1893 г. он посетил империю Цин. Одной из целей этой поездки было «выяснение обстоятельств, причин и значения сказанного восстания». Материал он собирал в разных частях этой империи, а затем посетил саму область восстания, где «видел ужасающие следы зверства, с которым производилось оно, говорил как с победоносными усмирителями этого восстания, так и с заключёнными в оковы повстанцами; ещё важнее — я наблюдал среду, из которой одинаково вышли как виновные повстанцы, так и их умиротворители» [Позднеев, 1896, с. 1–2]. Результаты своего исследования он опубликовал в журнале «Церковные ведомости» в 1895 г., а затем — в той самой брошюре в С.-Петербурге в Синодальной типографии в 1896 г. Этот материал полностью вошёл в его фундаментальную монографию [Позднеев, 1898, с. 244–273].

Цель данной работы — описание мятежа Цзиньдандао, недостаточно известного в отечественной историографии, а также прояснение вопроса о том, был это межнациональный или социальный конфликт.

Предпосылки и подготовка мятежа

Монгольские земли, где проходил мятеж, примыкают с севера к восточной части Великой китайской стены. Это все пять княжеств Дзосотуского сейма (Барун-Харачин, Дунд-Харачин, Дзун-Харачин, Барун-Тумэд, Дзун-Тумэд) и четыре — Джоудаского сейма (Аохан, Дзун-Оннюд,

Барун-Оннюд, Найман). Эта территория в конце XIX в. обозначалась как Жэхэ. Она включала не только два монгольских сейма, но и китайскую префектуру Чэндэ. Жэхэ представляла собой район или округ провинции Чжили. В административном отношении Жэхэ находилась под двойной юрисдикцией: монгольские земли управлялись традиционной монгольской аристократией, а китайцы с XVIII в. управлялись китайской администрацией в Чэндэ. В случаях судебных процессов между монголами и китайцами окончательное решение выносили чиновники Лифаньюаня [McCaffrey, 2011, pp. 531–535].

Два указанных сейма раньше других монгольских земель подверглись китайской колонизации. В Дзосотуском сейме монголы первоначально были заинтересованы в китайских крестьянах. В XVIII в. монгольские князья предоставляли им земли, жилища и колодцы бесплатно, лишь с небольшим ежегодным налогом деньгами и зерном. Вначале монголы были рады наплыву китайцев, которым сдавали в аренду земли, до того не приносившие доходов, вели торговлю с ними. К 1872 г. в трёх хошунах харачинов и двух хошунах тумэдов было уже 8838770 китайских поселенцев. Они всё больше увеличивались в числе и требовали всё больше прав и власти, задерживали выплаты. К концу XIX в. монголы там составляли всего 15% населения [Позднеев, 1896, с. 3; Borjigin, 2004, pp. 45–52]. Они пытались сохранить своё жизненное пространство. Кроме того, их взгляд на землю отличался от китайского. Они считали, что земля — общая собственность хошуна, и монгол, принадлежащий к нему по праву рождения, имеет право селиться в любой его части и пользоваться его ресурсами. Переходя к оседлости, монголы считали, что обработка участка не даёт права считать его своей собственностью, он может находиться во временном безвозмездном пользовании [Фрозе, 1911, с. 104–105].

Ван Гоцзюнь приводит следующие причины возникновения монголо-китайской вражды на этой территории:

1) «С течением времени ханьцы всё больше превращались из гостей в хозяев, обижали и унижали монголов, что стало распространённой практикой. Во время уплаты аренды они намеренно создавали трудности, то ссылаясь на неурожайный год, то на нехватку денег, из-за чего недоплачивали первоначальную сумму; или затягивали во времени, заставляя землевладельца долго ждать. В день отъезда, собрав [для уплаты] мясо, муку и прочее, ещё вычитали расходы на ежедневное пропитание, и к тому же часто были случаи отказа от уплаты аренды».

2) «Монголы, будучи по натуре простодушными и прямыми, в большинстве своём не имели опыта и не разбирались в делах; каждый раз, под предлогом сбора аренды, они подолгу жили в домах арендаторов, их проживание, поведение и действия невольно вызывали неприязнь, чего они сами не осознавали и не замечали. Если что-то было немного не так, они часто по мелочам ворчали без конца. Арендаторы же, хотя в лицо и не спорили, в душе не могли не таить обиду».

3) «Монголы сами считали себя “хозяевами, занявшими горы” (имеются в виду хозяева, распахавшие целину и занявшие пастбища), поэтому пользовались всем — деревом, землёй, камнями, дровами и пастбищами — по своему усмотрению. У ханьцев же иначе: всё вышеперечисленное, в чём бы они ни нуждались, приходилось покупать. Более того, им не разрешалось самостоятельно перевозить [это], обязательно нужно было использовать монгольские повозки и лошадей. Если кто-то нарушал, его штрафовали, пороли плетью, конфисковывали [имущество]».

4) «В монгольских землях, на горных угодьях, землях князей и гунов, а также на “горах фэншуй” (风水山) и в тому подобных местах было много дров и травы, но всё это строго запрещалось [использовать], не разрешалось рубить и заготавливать произвольно. Только монголы, будь то с разрешения или тайком, могли это делать. Ханьцам же категорически запрещалось рубить в горах дрова и косить траву. Если кто-то нарушал, и дело было серьёзным, то его отправляли

в ямынь [присутственное место] правителя хошуна для наказания. Если же дело было пустяковым, то “туньда” (屯达), “пайтоу” (牌头) и другие ловили нарушителя, дрова и траву сжигали в куче, а верёвки, коромысла, топоры, серпы забирали в свою собственность, произвольно пороли и беспрестанно оскорбляли».

5) «Князья, тайджи, табунаны и другие имели в различных местах самый высокий авторитет и власть. Каждый раз, выезжая, при встрече с прохожими они приказывали всем уступать дорогу и становиться у обочины; независимо от того, женщины это, старики, дети, монголы или ханьцы, все должны были: едущие в повозке — выйти, едущие верхом — спешиться и стоять навывтяжку, к тому же не разрешалось держать руки за спиной или курить. Стоило в чём-то не угодить, как [стража] мгновенно подскакивала на лошадях, и [виновный] сполна вкушал плети».

6) «Изначально, при обустройстве народа, выделенная земля имела излишки пустошей. Теперь же [земля] была полностью распахана, возникли недостатки — много земли, но мало аренды. Монголы желали провести обмеры, чтобы увеличить арендную плату, а ханьцы, надеясь извлечь выгоду, часто собирались на сходки, всем миром сопротивляясь и не разрешая [этого]. Из-за этого возникали судебные тяжбы, продолжавшиеся годами; хотя справедливость и устанавливалась официально, ханьцы всё равно думали только о внесении арендной платы и призывали к сопротивлению».

«Поскольку между двумя сторонами существовали разного рода неприязненные чувства, стали распространяться слухи, росли подозрения, любители смуты намеренно разжигали и сбивали с толку, женщины и дети также передавали [сплетни], болтали языками, и это стало источником, породившим бедствие» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 1–2].

С начала XIX в. на данной территории успешно действовали католические миссионеры. Число католиков-китайцев быстро росло, но среди монголов миссионерство было почти безуспешным. Иностранцы (в основном бельгийцы и французы) вызывали отвращение у китайцев показным богатством, высокомерием и чрезмерно ревностной защитой своих обращённых, некоторые из которых часто пользовались зарубежными связями, чтобы нарушать закон и запугивать соседей. Весной 1891 г. возник спор о разделе зерна. В ходе ссоры католики убили несколько членов секты Цзайлицияо. Власти дело замяли. Ситуация продолжала обостряться. Начиная с мая беспорядки против иностранцев вспыхивали в китайских провинциях Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Хунань, Шаньдун, Чжили и Сычуань [Shek, 1980, pp. 173–176]. А в Жэхэ в конце лета 1891 г. наводнения уничтожили урожай. Это усугубилось притоком голодающих, спасавшихся из пострадавших от наводнений районов на юге Чжили [McCaffrey, 2011, p. 540].

Значительная часть китайских колонистов состояла из разорившихся крестьян, ссыльных, деклассированных элементов, членов антиправительственных организаций, сект и т. п. Китайские секты были весьма активны. Распространялись настроения против маньчжуров — как завоевателей Китая, монголов — как других «варваров» и против христиан. В целом «автономия хошунов давала силу монголам, а иностранная защита давала силу католикам» [Позднеев, 1896, с. 4; McCaffrey, 2011, pp. 537–538]. При этом надо учитывать, что коренное население этой территории составляли монголы, в отличие от католиков и китайцев других религий.

В мятеже участвовала секта «Путь Неизменного Принципа» (在理教 Цзайлицияо). Эта синкретическая секта, включавшая элементы буддизма, даосизма и конфуцианства, возникла в XVIII в. от китайского буддийско-даосского движения «Белый Лотос» (白蓮教 Байляньцияо), существовавшего уже много веков и неоднократно поднимавшего восстания². Одним из них было восстание «Красных повязок» 1351–1368 гг., вследствие которого Китай из части монгольской империи Юань вновь стал независимым государством — ханьской империей Мин. В XIX в. секта

² Подробнее см.: Поршнева, 1972.

Цзайлицзяо широко распространилась среди китайских колонистов. Она существует до сих пор. Важные её черты — отказ от алкоголя, курения и опиума, солидарность и взаимопомощь её членов, которые были людьми воинственными и смелыми [Shek, 1980, pp. 163–171].

Однако главную роль в мятеже сыграла даосская секта «Путь Золотого Эликсира» (金丹道 Цзиньдандао), возникшая от того же «Белого Лотоса». Секта Цзиньдандао возникла в 1881 г. Её полное название — «Врата Не-Деяния, Путь Золотого Эликсира — Одна Палочка Благовоний» (无上门 • 金丹道 • 一炷香 Ушанмэнь Цзиньдандао Ичжусян). Сотрудничавшие с ней тайные общества и секты включали Цзайлицзяо, «Врата Воинственного Мудреца — Золотой Колокол» (武圣门 • 金钟罩 Ушунмэнь–Цзинчжунчжао) и «Культе Желтой Овцы» (黄羊教 Хуанянцзяо). Цзиньдандао организовала в 1891 г. «Мятеж красноповязочных разбойников» (红巾贼之变). Мятежники использовали красные повязки на голове как отличительный знак. Монголы называли их «красношапочники» (улаан малгайтан), в то время как ханьцы пренебрежительно называли это восстанием «Красноголовых сестёр» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20].

Секта Цзиньдандао в основном действовала в южной части монгольского аймака Аохан, вокруг резиденции его князя и южнее, включая районы Цзяньчана, Цзяньпина и Чаояна. Гора Дахэйшань с её обильными лесами и травами служила центральным пунктом для укрытия. Географически это место находилось между сектой Цзайлицзяо в районах Харачина, Пинцюаня и Чифэна и Ушунмэнь–Цзинчжунчжао в районах Цзиньчжоу, Ичжоу и Бэйчжэня. В показаниях главаря Цзиньдандао Ян Юэчуня говорится, что он создал эту секту под руководством «старика-даоса Го с юга реки Янцзы». В «Летописи уезда Чаоян» о «Пути Золотого Эликсира» записано следующее: «Расследование показывает, что секта Учения Совершенствования (Сюэхаоцзяо) изначально была еретическим учением, лжеучением, сбивающим народ с толку. В начале годов правления Гуансуй она создала молельные дома в деревнях Чаомидяньцзы и Няньпаньгоу на юго-востоке уезда Чаоян. Проповедовавшим учение и бывшим наставником был один даос. Они собирались ночью и расходились днём, в секту могли вступать как мужчины, так и женщины. Овладев [искусством], [последователи] становились неуязвимыми для пуль, могли взмывать на облаках и т. п. Впоследствии местные влиятельные и здравомыслящие люди изгнали его; он тайно бежал в северную часть Чаояна, в местности уезда Цзяньчан и аймака Аохан, где в доме врача Ян Янь (Юэ)чуня в деревне Янцзяваньцзы создал молельный дом... Все главари именовались “наставниками”. Ян Янь (Юэ)чунь был главным наставником. К осени 17-го года [правления Гуансуй, 1891 г.], следуя методу Чжан Цзяо, предводителя «Жёлтых повязок», [они], видя, что расположили к себе народ, сочли, что момент нельзя упускать, и тогда Ян Янь (Юэ)чунь и первоначальный даос собрали глав всех молельных домов... на совещание, поставив целью “выместить монголов и уничтожить Цин”, чтобы завоевать положение. Начали же с того, что убивали монголов, чтобы излить накопившуюся обиду» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 29–30].

Ян Юэчунь родился в 1841 г. в Янцзяваньцзы, в Шэлихугоу бывшего уезда Цзяньчан в аймаке Аохан. Его отец, Ян Чжаньшань, родом из Шаньдуна, арендовал княжеские земли для обработки и рано умер. Ян Юэчунь был вторым из трёх братьев, а в роду по старшинству шёл третьим. В молодости он содержал аптеку. Примерно в 13 с лишним лет, используя удалённое расположение гор Дахэйшань, под видом врачевания он организовал Цзиньдандао. За 10 с лишним лет он разбогател и построил усадьбу, прилегавшую к горе, в форме укрепления. На небольшом склоне рядом он собирал людей для обсуждения дел раз в месяц (кто жил близко) и раз в год (кто далеко) [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 30–31].

Ян Юэчунь показывал на допросе, что пришёл в юго-восточную Монголию, создал секту, присвоил себе титул главы «школы по основанию государства», действовал из вражды к монголам

под предлогом уничтожения христианства [Позднеев, 1898, с. 244–255, 350–351]. Ян утверждал: он слышал, что князь Аохана хочет отправить монгольские войска убивать ханьцев и вернуть их земли. Другой сектант говорил, что в прошлом году двое его племянников были арестованы и казнены за рубку дров на территории Аохана. Эти события можно объяснить положением монголов Аохана: к этому времени все долинные земли там были колонизованы китайцами, а монголы были вынуждены ютиться по отлогим местам гор и выпасать скот на покрытых лесом вершинах. Китайцам понадобилась и древесина этих лесов, что вызывало противодействие монголов [Позднеев, 1896, с. 8].

Сохранились китайские документы о принципах Цзиньдандао: 1. Не брить волосы. 2. Не пить спиртное. 3. Не курить табак. 4. Не совершать насилия. 5. Не играть в азартные игры. 6. Не скрывать монгола. 7. Не присваивать чужую собственность. 8. Проявлять сыновнюю почтительность. 9. Не убивать тяглового вола. 10. Не запугивать людей. Среди дисциплинарных предписаний Ян Юэчуня были следующие. «Любой в нашей армии и среди гражданских лиц, кто освобождает монгола или скроет (монгольского) родственника или друга, будет казнён». «Монголы — наши старые враги. Любой, о ком станет известно, что он отпустил или скрыл монгола из сочувствия, будет немедленно казнён, а его дом и имущество отойдут доносчику» [Borjigin, 2004, pp. 57–58].

Под руководством Ян Юэчуня летом 1891 г. шла тайная подготовка к мятежу. Бандитизм в конце лета и начале осени ставил целью заготовку провианта и фуража для последующего выступления [Ван Гоцзюнь, 2006, и комм. Ма Си, Сюй Шимин в его кн., с. 3, 28–29].

Ход мятежа и его ликвидация

Мятеж 1891 г. начался в четырёх китайских уездах на монгольской территории — Пинцюань (平泉), Цзяньчан (建昌), Чаоян (朝阳) и Чифэн (赤峰) под лозунгом «Убивать, чтобы освободить землю».

В уезде Цзяньчан произошел бунт против католиков. Сообщается, что его подняла секта Цзайлицзю [McCaffrey, 2011, p. 540]. По данным Позднеева, это была Цзиньдандао, и события развивались так. Летом 1891 г. из-за гибели урожая местное население голодало. Китайские чиновники и купцы п. Санцзяцзы решили раздать хлеб, но стали делать это через одного из учёных этой секты — Сюй Чжуна, возглавлявшего банду разбойников. Купцы наняли его стоять в охране у дверей хлебных магазинов в надежде, что хотя бы часть крестьян из страха перед ним не станет брать хлеб. Но крестьяне его убили. Опасаясь мести банды, люди распустили слух, что убийство совершили христиане. Появились призывы к их уничтожению. В результате 4 ноября 1891 г. начался погром иностранцев в Санцзяцзы. Там было убито и несколько сот семей китайских христиан. Мятежники двинулись на окружной г. Пинцюаньжоу. Европейские миссионеры обратились за помощью к местным властям, но те отнеслись к этому равнодушно. Мятежники же заявили, что идут не против правительства, а хотят отомстить христианам за убийства и сожжение домов. Глава города объявил, что не может выступить против такой силы, а в погребах местной католической миссии найдены груды костей китайских детей, съеденных европейцами, и масса трупов детей с вынутыми глазами и сердцами. После этой прокламации восстание приняло ещё большие размеры. Местные чиновники и солдаты поддержали мятежников — фактически было санкционировано уничтожение католиков [Позднеев, 1896, с. 4–6]. Сообщалось о больших жестокостях мятежников [The anti-foreign riots..., 2003, p. 66].

На знамени их главаря появился ханьский националистический лозунг: «Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом». Здесь примечательны две вещи. Монгольские

земли не входили в империю Мин, но желавшие свергнуть Цин ханьские националисты в 1891 г. считали их своими. А позже ведшие Синьхайскую революцию 1911–1912 гг. ханьские националисты считали так же.

Российский консул в столице Внешней Монголии Урге Я. П. Шишмарёв сообщал 18 мая 1892 г. директору Азиатского департамента МИД Д. А. Капнисту следующее.

«Спокойное положение Монголии было несколько встревожено в прошлом году появлением мятежнических китайских шаек в юго-восточной Монголии, грабивших монгол. Князь Аоханский бэйлэ, старшина монгольского сейма, с семейством поплатился жизнью за принятие военных мер против мятежников. Подробности появления шаек, их действия, стычки с китайскими войсками, рассеяние и многочисленные казни министерству известны из донесений тяньцзиньского консульства, в округе которого находятся по соседству с Жэхэ означенные монгольские хошуны, подведомственные Ли Хунчжану — цзилийскому генерал-губернатору. Мелкие грабительские шайки из разного сброда появлялись в той местности ежегодно и преимущественно весной, во время голодное, бродя по разным дорогам до окрестностей Долоннора. В минувшем же году шайки появились довольно численные, состоящие преимущественно из китайцев, и грабежи приняли большие размеры, причем мятежники старались показать, что имеют характер восстания против нынешнего маньчжурского правительства. Мятежники распространили между монголами слух, что они действуют если не с целью свержения маньчжурской династии, то для возвращения того порядка правления, который существовал в первое время воцарения маньчжур, когда управление носило дух китайский, народ ведался высшими и низшими маньчжурскими и китайскими властями в таком порядке, что из шести правительственных лиц один был маньчжур, а пять китайцев, в последнее же время администрация, суд и хозяйство в руках маньчжур, чиновничество исключительно маньчжурское, попирающее китайский дух и традиции, злоупотребления доведены до крайних пределов, народ терпит гнет. Отсюда делался вывод, что и сношения с европейцами будут иметь для Китая губительные последствия, видимо проявляющиеся в портах и теперь, и которые постепенно распространятся далее в страну; монголам возмутители внушили ту же идею, хотя подобное проповедование на монгольской почве пока бесплодно. Тревожатся и сомоны, соседние с Монголией» [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 562, л. 150–165]. Под последней имеется в виду Внешняя Монголия.

Ян Юэчунь на допросе показывал, что мятеж начался с нападения на ставку бэйсэ (князя) Аохана в полночь 9 октября 1891 г. и продолжался менее двух месяцев [Borjigin, 2004, p. 50; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20]. Нападение он объяснял тем, что этот князь, став председателем Джоудаского сейма, безудержно творил насилия, пытки и даже убийства, а пострадавшие вместо обращения к властям задумали месть [Sato, 1984, p. 284]. Ян так описал начало мятежа. Он приказал наставникам своей секты собрать учеников, каждый должен был мобилизовать 800 чел. 10 ноября они напали на резиденцию князя Аохана. Тот сбежал со своими приближёнными. Мятежники убили всех оставшихся мужчин и женщин и разграбили семейные княжеские могилы. На следующее утро они отразили нападение более сотни монгольских воинов, заняли резиденцию князя и переименовали его хошун в «Территорию Основного государства» (кай го фу). Китайцы провозгласили Ян Юэчуна вождём. Он приказал готовить оружие и флаги. Они захватили огнестрельное оружие и боеприпасы, чтобы сражаться с монголами и правительственными войсками [McCaffrey, 2011, pp. 54–542]. В нападении участвовали около 2000 мятежников [Shek, 1980, p. 177].

Ван Гоцзюнь описал эти события подробнее. У князя Аохана — Дагчин-бэйсэ был плотник Ван, которому он доверял. Но этот плотник тайно связался с мятежниками и ночью открыл им ворота в резиденцию. «Толпа бандитов хлынула внутрь, поднялся шум, [они] заблокировали двери всех комнат, не позволяя никому выйти. Хотя при бэйсэ было несколько слуг, они оказались

заперты в комнате, не могли бежать и, услышав тревожную весть, все затрепетали от страха. А бандиты врываются в комнаты, обыскивали и убивали, не спрашивая, мужчины это, женщины, старики или дети, убивали всех. И при каждом убийстве выкрикивали: “Ну что, ещё будете есть сало? (尔等尚吃粗乎?)³ Ещё будете показывать свою мощь?” — не переставая ругаться. Одновременно они грабили драгоценности, одежду, деньги, а во дворе запрягали его мулов и лошадей в повозки для погрузки или использовали мулов и лошадей для перевозки ценного имущества. Мулов, лошадей, риса и зерна не осталось совсем. После этого они подожгли [резиденцию] и ушли, прихватив всё. В тот момент лишь старший сын бэйсэ, один, с помощью слуги по имени Насун-Бату (那逊巴图), воспользовавшись суматохой, был тайно вынесен на спине и избежал ужасной участи. <...> Был ещё младший брат бэйсэ, лама, живший в монастыре, который не пострадал, — это нынешний, носящий титул гуна, так называемый “Третий лама Аохана” (敖汉三喇嘛). Спустя несколько дней дзасак-ван собрал войска и отправился осмотреть [место]. Все погибшие в помещениях были с обгоревшими головами и лицами, некоторые превратились в груды угля, невозможно было опознать; те, кто погиб во дворе, лежали обнажёнными, с отрубленными руками и ногами, было невыносимо смотреть, ужасно и трагично до крайности; к тому же были разбросаны красные и зелёные шелковые ткани, мужская и женская дорогая одежда, все ещё валялось во дворе, никто не подбирал. Затем [ван] приказал подготовить гробы, приблизительно определить [личность] по внешности, кое-как собрать и положить в гробы, после чего отдал приказ своим владениям вновь мобилизовать солдат, чтобы подготовить план уничтожения [бандитов]». При захвате резиденции погибло более 200 чел., включая князя Дагчина — правителя аймака Аохан и председателя Джоудаского сейма, а также почти всех 23 родственников князя. Поблизости проживали тысячи монголов, которые тоже стали жертвами мятежников. Спаслись указанные выше малолетний князь, лама и ещё несколько десятков человек [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 5–6; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 34]. Была утеряна официальная печать сейма, что препятствовало управлению сеймом и вызывало опасения, что она будет использована незаконно [Hyer, 1977, p. 111].

Некоторые детали захвата резиденции князя Аохана привёл Позднеев. «Ставка аоханского вана защищалась пять дней, и неистовства овладевших ею инсургентов превосходят всякое описание. Рассказывают, что, ворвавшись в ставку, китайцы не только перебили всех мужчин до одного человека, но четвертовали убитых и развешивали по кольям и деревьям части их тела. Опьяненные кровью солдаты приказывали женщинам убивать овец и готовить кушанье, а сами между тем подбрасывали на пики младенцев этих женщин. Про мятежного предводителя северных шаек Лю-го-чжэнь⁴ говорили, что, усевшись обедать в доме аоханского князя, он заставил прислуживать себе жену одного тайчжия (младшего княжича). Женщина была беременна и тем привлекла к себе внимание пировавших. Лю-го-чжэнь заспорил с одним из своих собеседников, мальчика родит эта женщина или девочку; ударили о заклад и тотчас же решили его, распоров живот несчастной и вытащив из ее утробы ребенка. Другую такую же беременную женщину они сожгли заживо, облив ее предварительно керосином» [Позднеев, 1896, с. 9; 1898, с. 251].

После захвата резиденции князя Аохана Ян Юэчунь превратил её в «столичный дворец основанного государства» («Кайгофу»), облачился в расшитый драконами халат, надел головную повязку пяти цветов. Затем он послал банды мятежников на север, юг и восток — в хошуны монголов — оннюдов, найманов, харачинов и тумэдов. По подсчётам Яна, каждый из его отрядов насчитывал не менее 5000 чел. По мере продвижения они пополнялись. Монгольские войска были

³ 粗 (cū) — здесь подразумевается сало (猪油/肥肉), грубая, жирная пища. В оригинальном контексте это уничижительное обозначение монгольской пищи — прим. перев.

⁴ Ли Гочжэнь.

разгромлены — в основном из-за численного превосходства мятежников, недостатка и несовершенства оружия у монголов. Однако и мятежники были в основном плохо вооружены — кухонными ножами, топорами, серпами, выпрямленными и заточенными на конце мотыгами [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 35; McCaffrey, 2011, pp. 543–545]. Однако имелись также ружья и пушки.

Мятежники ненавидели местность Ванцзыфэнь, где было родовое поместье предков харачинского вана (князя), где всегда запрещали рубить дрова и где они подвергались унижениям. Они собрали людей, стали жечь и грабить окрестные деревни Тайчэн, Синьчэн, Сыханьчэн, Цигуаньинцзы и другие, истребляя всех монголов. Немногие успели бежать. «Когда они подожгли гробницы на горе, били в большой барабан с ручкой, дули в большие медные трубы (всё было награблено из ламаистских монастырей), одновременно поджигали, кричали, чтобы усилить свою мощь». В это время мэйрэн Чанмин и Сангжав командовали 50 офицерами и солдатами княжеского хошуна и стрелками-охранниками. Увидев на горизонте пожары и движение нападавших, они бежали. «С этого времени бандиты стали ещё более наглыми и бесстрашными, жгли княжеские гробницы, храмы, погребальные павильоны... были и те, кто раскапывал могилы в поисках сокровищ. Затем они врываются в деревни, грабили рис и зерно, жгли дома. В деревнях были старики, старухи и три-пять старых лам, которых уговаривали быстро бежать, но те не слушали и говорили: “Разбойники ведь пришли за деньгами и богатством, когда придут, пусть берут имущество и шелка, сколько хотят, тем более что их и нет! Мы старые и скоро умрём, что они нам сделают? Убьют — так убьют, рано или поздно не избежать смерти!” Те, кто не бежал и остался сторожить дома, были все убиты» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6–7].

Бежавшие от мятежников Чанмин и Сангжав вернулись в резиденцию харачинского князя Вандутнамжила, который был председателем Дзосотуского сейма, и с преувеличениями рассказали о свирепости мятежников и обстоятельствах сожжения гробниц — преувеличивая, чтобы скрыть свою вину. Тогда князь отправил членов семьи в столицу для спасения, а сам с чиновниками хошунного управления остался в резиденции. Непрерывно прибывавших беженцев из Аохана, тумэдских и харачинских хошунов он приказал разместить по окрестным дворам с поставкой продовольствия, с обещанием возмещения хозяевам в будущем [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 8].

Мятежники за 2–3 дня разошлись для грабежей и убийств по территории более 200 км с востока на запад и более 150 с севера на юг: в аймаке Аохан, двух хошунах Тумэда и находящихся там китайских поселках. Банда Ли Гочжэня двинулась на север и разорила хошун Дзун-Оннюд и аймак Найман. На востоке сектанты Цзиньдандяо объединились с сектантами Цзайли, чтобы разграбить г. Чаоян и хошун Дзун-Тумэд. Чаоян был захвачен 14 ноября. Здесь мятежники выпустили из тюрьмы преступников, сожгли городское управление, налоговый орган и буддийский монгольский храм. Они награбили деньги, драгоценности, одежду, верблюдов для вывоза награбленного, разрушили дома. Возникали всё новые банды и, по сведениям сановника Ли Хунчжана, в течение немногих дней их численность достигла десятков тысяч человек. Ставку князя хошуна Дзун-Тумэд 20 ноября атаквали около 1000 мятежников. Князь с 200 воинами засел за каменную ограду храма и повёл перестрелку с нападавшими. Бой длился два дня. Он проиграл их, потеряв более 100 чел., и с оставшимися ушёл в Маэринцзу, откуда отправил запрос о помощи маньчжурским властям [Позднеев, 1896, с. 8–9; Shek, 1980, pp. 177–180; Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7; McCaffrey, 2011, pp. 543–545; Translation..., 1892, p. 189].

Из Тяньцзина сообщали о ситуации в Чаояне так. Ещё в августе отряд в 300 конников из Чаояна атаковал оплот 1000 бандитов и разгромил их. 9 ноября генерал Е Чжичао прибыл с ежегодной инспекцией в окрестности Чаояна, и отряд конников покинул город для смотра. Главарь бандитов

узнал об этом, захватил оставшийся без защиты город, перебил городское правление и объявил правителем себя. Его силы быстро увеличились до 6000–7000 чел. [The anti-foreign..., 2003, pp. 67–68]. Обычные ханьцы в большинстве присоединялись к бандитам, некоторые богатые семьи занимали двойственную позицию, а те, кто жил близко к княжеским резиденциям и не мог открыто проявлять враждебность, выжидали подходящего момента для действий [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6–8].

В бандах находились даосские священники (даоши), которые во время боёв совершали ритуальные действия, вдохновлявшие мятежников и призванные дать победу. Солдаты в боях старались сразу убивать их.

Главарь мятежников присваивал себе княжеские титулы. Предводитель мятежа Ян Юэчунь объявил себя «великим священнослужителем вотчины, основавшей династию» [Позднеев, 1898, с. 253; Shek, 1980, pp. 178–179, 185; The anti-foreign..., 2003, pp. 71, 74, 75 etc.]. В монгольских княжествах Аохан, Тумэд и Найман действовали главарь мятежников Ян Юэчунь из Цзиньдандао и Го Ванчан из Цзайли. В хошунах харачинов мятежников возглавляли Чжао Цзиньгуй, Лю Сяньтан и Сюй Сяочжи. В регионе к югу от Цзяньчана, в районе Гаоэрдэна и Сяньшицзяцзы наибольшую власть имели Дун Цзе, провозгласивший себя «Князем, покоряющим Запад» (Пинси ван), и Фу Ляньсинь («Князь, покоряющий цинскую династию» — Пинцин ван). Центром последнего региона был Чифэн на севере, граничащий с монгольскими хошунами Оннюд. Здесь базировался Ли Гочжэнь — «Воинственный мудрец, покоряющий Север» (Саобэй ушэнжэнь). Все монгольские деревни, буддийские монастыри и католические церкви были сожжены. Мятежники преследовали и убивали бежавших монголов. Они создали банду «Общество обхода гор» (巡山会), специально для поиска людей, скрывающихся в глубоких горах и оврагах. Повсюду пошли слухи, что бандиты, читая заклинания, становятся неуязвимыми для мечей и копий, повсюду выпускают огненных петухов, изрыгающих огненные шары, деревни загораются сами и т. п. Монголы верили этому и заранее бежали. Не успевшие бежать группами по 30–50 чел. пытались тайно скрыться и, если на пути встречались 3–5 ханьцев, не смели сопротивляться, падали ниц, умоляя о пощаде, но не получали её и подставляли шею под удар [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7].

«Ханьцы повсюду, близкие и дальние, все, у кого была предварительная договорённость, поднимались как один, каждый с красной повязкой на голове, с оружием в руках, только и крича: “Убивать! Убивать!” Встречавшихся монголов ни одного не щадили» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6]. Монголы подвергались истреблению по национальному признаку. Там, где монголы и ханьцы жили вперемишку, жертвами становились только монголы — мужчины и женщины, миряне и ламы (хотя среди мятежников были последователи синкретических верований, включавших буддизм). Сжигались христианские и буддийские монгольские храмы, но другие храмы, не принадлежавшие монголам, были пощажены; китайцев не убивали [Ньер, 1977, p. 111; McCaffrey, 2011, pp. 544–545] — очевидно, кроме китайцев-христиан.

Мятежники использовали лозунги: «Встретив монгола, убей без разъяснения», «Победим Цин и уничтожим монголов» (в КНР публиковался в фальсифицированном виде: «Победим Цин и уничтожим людей Запада»), «Уничтожим монголов в виде мести» (в КНР фальсифицировалось так: «Уничтожим монгольскую знать в виде мести»). Прокламации мятежников не упоминали «западную религию», но полны упоминаний «варваров» и «монголов». Следуя представлениям о крестьянском восстании на закате империи Юань, мятежники общались друг с другом, вкладывая бумажные листки с надписью «Убивайте монголов» в лунные пироги, приготавливавшиеся к празднику середины осени 15-го числа 8-го лунного месяца [Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Был также лозунг «Убивать, чтобы освободить землю» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20]. Он показывает причину истребления монголов.

Крупнейший гарнизон в охваченной мятежом области располагался в Чэндэ, где был летний дворец императора. Не желая оставлять этот город без охраны, дутун (военный губернатор) Жэхэ не спешил посылать свои войска. Вскоре дутун Дэ Фу из-за того, что мятеж был слишком крупным и ему было не избежать наказания за упущения в мерах предосторожности, принял яд и умер [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 17].

К харачинскому вану явился гун Ринчиндорж и вызвался возглавить войска для подавления мятежников, набрать солдат и офицеров. Был создан и вооружён отряд более чем в 500 чел., который выступил против мятежников и через несколько дней достиг хребта Суншулян в 50 км от княжеской резиденции. «По дороге они встретили бежавших монголов, ведших стариков и детей, горько плачущих и рыдающих... К тому же эта зима была холоднее, чем в предыдущие годы, плюс снег глубиной более чем в чи⁵, замерзшие насмерть лежали на обочине дороги — не счесть сколько; а молодые беременные женщины рожали на обочине дороги, некогда было позаботиться [о ребенке], бросали и уходили». Вскоре они встретили отряды мятежников численностью в несколько сот человек и в нескольких боях полностью разбили их. Теперь настроение монгольских солдат изменилось: они хотели вернуться в резиденцию князя — возможно, потому что захватили много добычи. Что и было сделано. Теперь старосты монгольских и ханьских общин, не примкнувшие к мятежникам, собрали и привели отряды более 300 чел. каждый для защиты княжеской ставки. Другой монгольский отряд в 500 чел. был разбит в бою мятежниками в хошуне Дунд-Харачин, потеряв более 100 чел. убитыми и ранеными [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 9–12].

Более 2000 монголов, бежавших из Аохана и других хошунов во главе с Сарингой, решили идти в резиденцию харачинского вана и, дойдя до места Шаньцзуйцзы (山咀子) к западу от р. Ляохэ, остановились на ночлег. Там они встретили местного бандита Ли Гуя, который заявил, что основные вопросы улажены, и предложил им остаться для борьбы с мятежниками. Затем он пригласил Сарингу и других мужчин на пирушку. Те поверили и пришли. Выйдя после выпивки, они увидели зарево пожара в Шаньцзуйцзы. Оказалось, что поселение, где оставались лишь женщины, старики и дети, атаковала банда мятежников. Женщины отстреливались до тех пор, пока ружья не перегрелись. «Бандиты перелезли через стену, подожгли дома и атаковали изнутри, что привело к падению [деревни]. Все монголы в деревне, около 2000 чел., были перебиты: некоторых разрубили косой, других притащили к каменным корытам и зарубили там, впоследствии десятки каменных корыт были заполнены человеческой кровью. Бандиты, убив человека, отбрасывали тело в сторону, затем брали пучок гаоляна и поджигали его на трупе. С женщинами обращались особенно жестоко: после изнасилования они резали их ножами в интимных местах. Маленьких детей насаживали на кончики пик, забавляясь их предсмертными муками. Стояли сильные морозы, женские трупы лежали на спине с вытянутыми ногами, замерзшие в непристойных позах» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 13–14]. Похоже, что здесь мятежники вели себя сходно с тем, что описал Позднеев (см. выше).

Против мятежников выдвинулись знаменные гарнизоны Фэнтяни и силы Зелёного знамени Чжили. Эти подкрепления прибыли через 10–14 дней после начала восстания. Мукденский командующий Цзо Баогуй двинулся на подавление мятежников в хошуны тумэдов. Генерал-губернатор Чжили Ли Хунчжан мобилизовал войска под командой генерала Е Чжичао, Пань Ваньцзя, Люй Бэньюаня, Не Шичэна и других. Командующий Жэнь Юнцин и другие расположились в уезде Миюнь в Жэхэ, заместитель дутуна Ван во главе конного отряда в 100 чел. прибыл в резиденцию харачинского вана. Последний подробно описал ситуацию. Е Чжичао назначил командующего летучим конным отрядом и монгольских проводников [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 14–15]. Войска, в отличие от мятежников, имели современное оружие и действовали организованно. Часть пути войска

⁵ 1 чи = 34 см.

проехали по железной дороге, насколько линия была построена. Это был первый случай, когда цинские экспедиционные силы использовали железную дорогу [Shek, 1980, p. 182].

Мобилизация войск отражала стратегию Ли Хунчжана, которая заключалась в наступлении на мятежников с трёх сторон: войска Фэнтяня атаковали с востока, войска Чжили — с юга, силы Сюаньхуа — с юго-запада. Фэнтяньские войска 20 ноября вступили в бой с мятежниками. Первую победу они одержали в деревне Шуйчуаньтунь к востоку от Чаояна. В течение нескольких последующих дней в ходе боёв погибли сотни мятежников, потери войск были намного меньше [Shek, 1980, pp. 180–185]. По данным Позднеева, этот отряд имел до 10 сражений, главнейшими из которых были два: в г. Хэйчэнцза и урочище Дачжуанцза. В первом было убито более 1000 мятежников, взято в плен и казнено более 90, во втором уничтожена вся банда в 2000 чел. [Позднеев, 1896, с. 10–11].

Чжилийские войска после нескольких стычек выиграли большой бой 28 ноября в районе Цзяньчана. Погибло около 800 мятежников, включая 10 главарей. В ходе дальнейшего наступления эти войска совместно с монгольским отрядом побеждали мятежников, несмотря на их численное превосходство. Самый кровавый бой произошёл 4 декабря в Маоцзяопу. Мятежники численностью около 2000 чел. подготовили укрепления в местности Сюйсяо, создав нечто вроде форта, перед ним разместили пушки. Через несколько часов боя войска победили мятежников. Последние потеряли убитыми 1300 чел., включая трёх главарей. Ещё один главарь был пойман и обезглавлен. Чжилийские войска преследовали мятежников, уходивших на север к Чифэну. 6 декабря были захвачены и обезглавлены ещё три главаря в местности Эрсичацзу. Фэнтяньские войска одержали важные победы в первые две недели декабря. Несколько главарей мятежников погибли, несколько были захвачены и обезглавлены [Translation..., 1892, p. 188; Shek, 1980, pp. 180–185; The anti-for-eign riots..., 2003, pp. 74–77].

Теперь войска могли сосредоточиться на севере, куда отступили мятежники. Оплотом последних стал уезд Чифэн: 2 декабря 1891 г. под предводительством Ли Гочжэня сектанты заняли г. Уданьчэн. Он находился в монгольском хошуне Дзун-Оннюд. Резиденция хошунного князя была сожжена [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 19]. Укреплённый храм Бэйдасы стал оперативной базой мятежников. Солдат было более 4000, разделённых на пехотные и кавалерийские роты и размещённых на протяжении 25 км между Уданьчэном и хошуном Баарин на севере. Они прибыли 15 декабря. После боя мятежники отступили в храм. Взяв его, войска захватили 4 пушки, 15 полевых орудий, 500 винтовок, мечи, копья и 200 лошадей. Раненый Ли Гочжэнь, о жестокостях которого сказано выше, попал в плен. После допроса он подвергся казни линчи (отрезание кусочков в течение длительного времени) [Hyer, 1977, p. 108; Shek, 1980, p. 186; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 44; McCaffrey, 2011, pp. 545–546].

Главным оплотом мятежников оставалась резиденция аоханского князя. По рассказам, правительственные войска здесь в первый день разбили банду мятежников в 2500 чел. Но сильнейшие банды находились примерно в 21 км оттуда в урочище Сячжангао. Е Чжичао хотел овладеть этим пунктом, но мятежники численностью 4000 чел. атаковали первыми. В бой они шли с раскрашенными, зачернёнными тушью лицами, наклеенными бородами из красных ниток, намазанными носами, кричали заклинания, поднимали вверх своих даоши. К вечеру войска пошли на приступ окопов врага. Мятежники ушли в своё укрепление в Сячжангао, потеряв несколько сот убитыми и ранеными. 18 декабря войска захватили это укрепление. Последняя банда была разбита 20 декабря на золотом приiske Силиху. Там был взят в плен Ян Юэчунь с отцом, дядей и племянниками [Позднеев, 1896, с. 11–12].

Итак, восстание было подавлено к концу декабря. Цинский двор направил двух высоких сановников — Ли Хунчжана и Гуй Биня для руководства восстановлением. Было роздано 100 тыс.

серебряных таэлей нуждающимся семьям, выданы тысячи ватных курток тем, кто лишился жилья, открыты пункты раздачи каши голодающим. С приближением весеннего сева были выделены семена, орудия труда и лошади семьям, потерявшим всё. Сановники опасались конфликта в районах, где монголы и ханьцы живут вперемежку: между ними было большое недоверие. Поэтому местным властям было приказано равномерно оказывать им помощь. В регион были введены дополнительные войска. Секты, участвовавшие в мятеже, были объявлены вне закона, их лидеры допрошены и казнены. Аресты сектантов, многие из которых бежали в Маньчжурию, продолжались до 1893 г. [McCaffrey, 2011, pp. 546–548]. «Возбуждённое состояние Чэндэфуской провинции» продолжалось до первой половины 1893 г. включительно. «Но это были уже грабежи не инсургентов, а мирных жителей: разбойничали и правительственные войска, и лишённые крова и средств к жизни местные жители, и вновь прибывшие бродяги». В мае 1892 г. туда прибыли два чиновника, по приказу которых было погребено 20 тыс. трупов, не считая погребённых родственниками и съеденных зверями. На это Е Чжичао пожертвовал 2000 лан серебра [Позднеев, 1896, с. 12].

Расследование показало, что цинские чиновники во время мятежа халатно отнеслись к своим обязанностям и вводили высшие власти в заблуждение. «В 17-й год правления Гуансуй (1891 г.) Е Чжичао, командующий войсками провинции Чжили, при подавлении секты Цзиньдандао и в последующих мероприятиях потворствовал Цзиньдандао, заявляя, что монгольские войска при подавлении мятежа ложно обвиняли добропорядочных [людей] в мятеже и безосновательно убивали невинных. Меморандум был представлен в Военный совет. Личный князь Шижо запросил факты и истинное положение дел. Харачинский князь приказал Чоглу составить подробный доклад с анализом. Докладная записка была представлена, и из дворца последовал указ с выговором Е Чжичао за нестрогое подавление бандитов и пристрастную защиту еретической секты. С этого времени Е Чжичао несколько умерил своё отношение к монголам» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7–9]. Провинциальные чиновники и военные, допустившие мятеж, были понижены в должностях, сосланы и т. п., а имевшие заслуги в его подавлении — награждены [Shek, 1980, p. 188].

Последствия мятежа

В разных источниках потери монголов и китайцев варьируют от 20 тыс. до 100 тыс. чел. Погибло много христиан, в основном крещёных китайцев. Однако основные потери понесло коренное население — монголы на своей земле. Главарь секты Ян Юэчунь показывал на допросе, что погибло около 10 тыс. чел. [Позднеев, 1898, с. 255]. По цинским официальным данным, более 300 тыс. чел. нуждались в помощи, а более 20 тыс. тел — в захоронении [McCaffrey, 2011, p. 546]. Сообщалось, что в боях было убито 15 тыс. мятежников, около 20 тыс. сектантов было казнено [Тихвинский, 1971, с. 75]. Если суммировать данные из «Peking Gazette» с 06.12.1891 по 04.01.1892, потери мятежников убитыми в этот период составили 10320 чел. [The anti-foreign riots..., 2003, pp. 77–78]. По разным данным, в целом погибло более 20 тыс. сектантов Цзиньдандао и Цзайли, 1200 принявших католицизм и не более 300 чел. с правительственной стороны [Shek, 1980, pp. 162, 187]. По другим данным, погибло 170 католиков [Тан Кайцзянь Чжан Юй, 2005, с. 17–22]. Ван Гоцзюнь писал, что с обеих сторон погибло не менее нескольких десятков тысяч человек [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 19; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 44]. Однако, согласно точным данным, лишь в хошуне Дзун-Тумэд за 10 дней мятежники истребили как минимум 10 тыс. монголов, разрушили тысячу деревень, около 100 тыс. монголов потеряли жильё (Tolum-a, 1990 — in: Borjigin, 2004, p. 53). Были разгромлены княжества Аохан, Барун-Тумэд и Дзун-Тумэд, Барун-Харачин

и Дзун-Харачин. Больше всего пострадали Аохан и Барун-Харачин. Почти всё монгольское население этих хошунов было истреблено или разбежалось. Сильно пострадали пять китайских поселений в монгольских хошунах [Нyer, 1977, p. 108; Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Причины гибели и потери ханьцев в этих поселениях неизвестны.

Мятеж Цзиньдандао нашёл отражение в отдельном параграфе послания Николаю II о помощи (датировано 23 июня 1911 г.), которое в 1911 г. доставила монгольская делегация, направленная в Россию главой буддизма Внешней Монголии Богдо-гэгэном VIII: «В последние годы много китайцев проникают в Монголию, образуя поселения вдоль дороги и поселяясь в районе Хурэ и других местах Монголии; в 17-м году Бадрулт Тур⁶ китайцы, которые поселились и занимались земледелием в Дзосотуском и Джоудаском сеймах, внезапно взбунтовались и убивали без разбора лам и мирян, мужчин и женщин, старых и молодых, и сожгли много жилищ; и их великие страдания таким образом дошли до предела» [Монгол ард..., 1982, с. 166].

Мятеж привёл к хаосу в монгольском обществе, массовому переселению монголов, переходу значительной части монголов юго-восточных предгорий Хингана к оседлому сельскому хозяйству, установлению китайского доминирования [Borjigin, 2004, pp. 50–53]. Монголы-харачины и тумэды в основном бежали со своих земель на север, прежде всего на земли монголов-хорчинов. После подавления восстания происходили акты бандитизма и мести. Кассини доносил зимой и весной 1892 г., что «многочисленные разбойничьи шайки продолжают грабить страну», антагонизм между китайцами и монголами обостряется, нападения на христиан делаются всё чаще [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 110, л. 2–4, 44–46об.].

Князь Удай-ван хошуна Джасакту Джеримского сейма (расположен севернее) в 1892 г. согласился на иммиграцию в свой хошун харачинов феодала Хайсана, который имел 13 удачных боёв с мятежниками. Люди Удай всё ещё были кочевниками, харачины — уже земледельцами. Иммиграция началась в 1893 г., и к 1907 г. переселенцев — харачинов и тумэдов — было уже до 6000, прибывших из всех хошунов Дзосотуского сейма. С 1900 г. туда стали переселяться и китайцы при поддержке своих властей [Баранов, 1907, с. 1–32].

Под влиянием мятежа Цзиньдандао произошли антиправительственные выступления в ряде уездов провинций Чжили и Фэнтянь, также подавленные властями [Тихвинский, 1971, с. 75]. Считается также, что этот мятеж стал прологом к восстанию Ихэтуань в 1899–1901 гг. против иностранцев и христиан [Климов, 1945, с. 30]. Указывается как преемственность от этого мятежа и тот факт, что в конце 1940-х гг. власти КПК во Внутренней Монголии раздавали землю китайским крестьянам и квалифицировали монгольских скотоводов, имевших обширные пастбища, как эксплуататоров, что сопровождалось массовым уничтожением монголов [Цогту, 2020, с. 35].

Экономическое положение монголов ухудшилось. В начале мятежа китайские крестьяне сожгли налоговые книги монгольской знати, а после его подавления потребовали, чтобы монголы предъявили документы о сумме налогов. Цинское правительство пыталось восстановить эти книги. Однако, учитывая межэтнические противоречия, цинский суд постановил, что китайские префектуры и уезды могут собирать налоги от имени монгольской знати по доверенности. Право простых монголов собирать налоги с китайских арендаторов так и не было восстановлено [Borjigin, 2004, p. 52]. Много китайских крестьян в результате мятежа лишились земли и жили подаянием и воровством [Позднеев, 1898, с. 351].

В целом после мятежа Цзиньдандао права монголов уменьшились, а права ханьцев — увеличились. Китайская колонизация монгольских земель ускорилась после начала проведения цинской «новой политики» (с 1901 г.) и привела к дальнейшему обострению монголо-китайских

⁶ Император Гуансюй.

противоречий, хотя среди значительной части внутренних монголов уже преобладали земледелие и китайский язык. В начале XX в. харачины из разных хошунов сформировали вооружённые отряды и под командованием Шударга-Батора Бавужава участвовали в национально-освободительной борьбе монголов, после его гибели в 1917 г. ненадолго захватили Баргу, а в 1919–1921 гг. участвовали в панмонгольском движении и освобождении Внешней Монголии бароном Р. Ф. Унгерном. На монгольских землях, подвергшихся нашествию секты Цзиньдандао, преобладает китайское население.

Заключение

Приведённые факты свидетельствуют о том, что мятеж Цзиньдандао был межэтническим конфликтом китайцев (ханьцев) с монголами. Выше приведены и другие оценки. Они не представляются верными. Данный мятеж не был антиимпериалистическим, так как одним из лозунгов было смещение Цинской и установление Минской династии — то есть на смену империи маньчжуров должна была вернуться империя ханьцев — и вполне по-империалистически: с включением в неё монгольских земель (которые в империю Мин не входили) и их колонизацией. Замещение коренного монгольского населения китайскими колонистами — это переселенческий колониализм. Данный мятеж не был и антифеодальным — главари мятежников объявляли себя князьями. Этот мятеж не был и ранним этапом антироссийской и антияпонской борьбы — подданные России и Японии от него почти не пострадали. Этот мятеж не был и национально-освободительным движением — напротив, он был направлен на истребление коренного населения (монголов) ханьскими колонистами.

Анализ лозунгов и действий мятежников 1891 г. показывает, что мятеж был проявлением ханьского национализма и колониализма, а не восстания крестьян против социальной несправедливости. Об этом свидетельствует следующее. Монголы истреблялись неизбирательно — невзирая на пол, возраст и социальное положение; уничтожались также монгольские храмы и монахи. В известном как «Peking Gazette» официальном цинском бюллетене «Цзинбао» 28 декабря 1891 г. сообщалось: «Все источники сходятся во мнении, что нынешнее восстание относится к приверженцам Цзайли и подобных сект, которые воспользовались враждой с монголами, чтобы разжечь народные страсти, и без разбора совершали массовые грабежи и убийства как монголов, так и членов ламаистского духовенства. Они воздерживались от нападений на китайцев, преследуя лишь одну цель — склонить к присоединению к ним; и с этой целью обещали полную защиту от монгольского гнёта в будущем» [Translation..., 1892, pp. 187–188]. Христиане уничтожались, невзирая на национальность.

Общим для монголов и христиан было то, что в глазах ханьских националистов и те и другие были «чужими». С этим согласуются и антиманьчжурские лозунги (но неизвестно, сколько было убито маньчжуров). Следовательно, монгольские земли китайские колонисты считали своими и подлежащими чистке от «чужих». Поэтому экономические и другие требования монголов к ним были правомерными (конечно, за исключением случаев бандитизма — но они имели место с обеих сторон).

Итак, имеющиеся данные показывают, что одной из главных целей мятежа Цзиньдандао было именно истребление монголов по этническому принципу. Это соответствует трём из пяти действий, каждое из которых квалифицируется как геноцид согласно принятой ООН в 1948 г. «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»: «Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу

как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её» (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml).

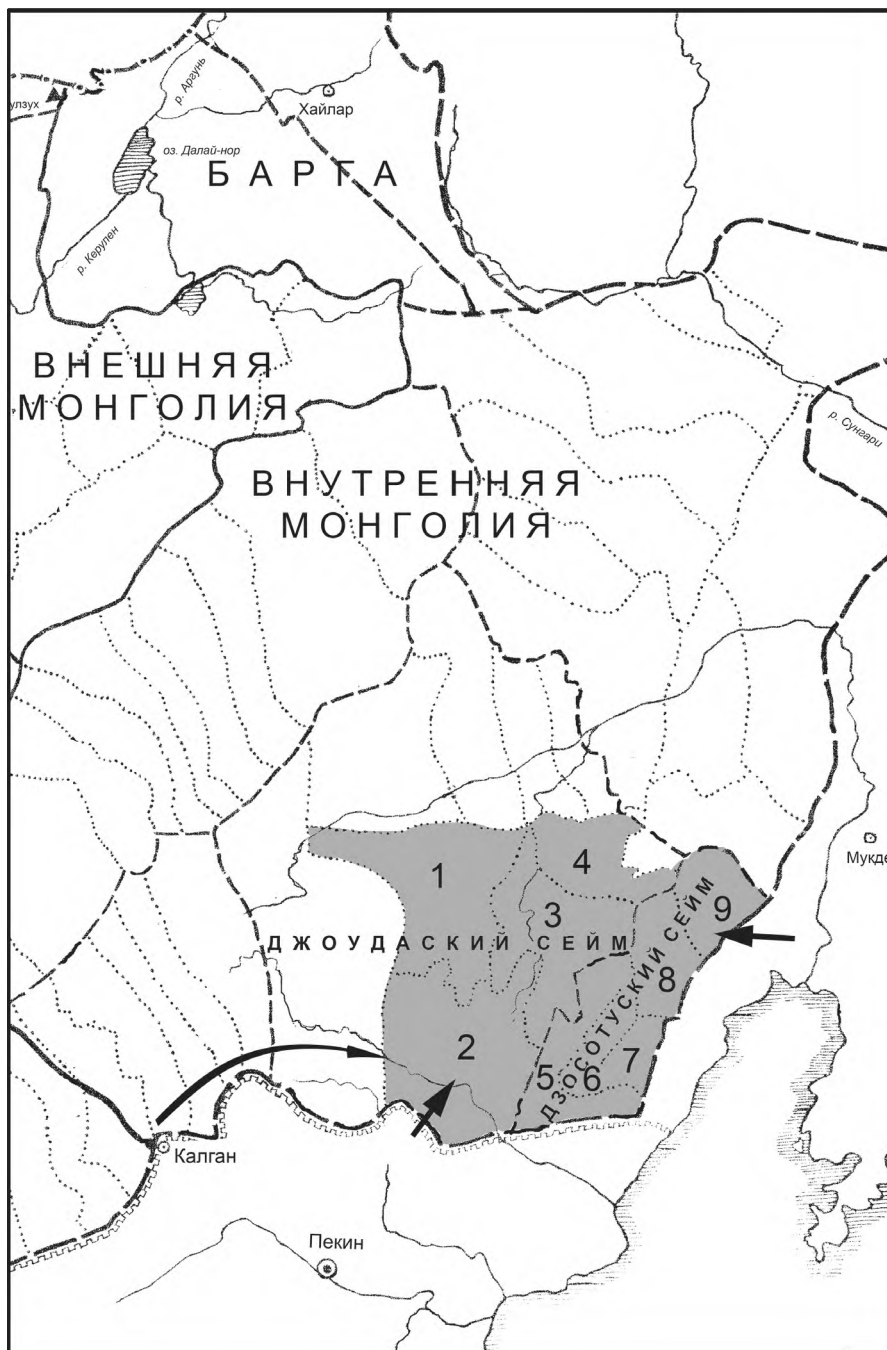
Причины типа «борьбы против империализма», «эксплуататоров», «феодалов» и т. п. не отменяют квалификацию геноцида, если при этом имеется намерение, указанное в приведённой формулировке.

Примечательно, что в англоязычной «Википедии» действия повстанцев обозначены как «геноцидная резня» (genocidal massacre) (https://en.wikipedia.org/wiki/Jindandao_incident). Данное понятие было введено Л. Купером: «Я также включил конфликты, обозначенные как геноцидная резня, характерно выражающиеся в уничтожении части группы — мужчин, женщин и детей, как, например, в случае с уничтожением целых деревень. “Частично” — это потому, что геноцидная резня имеет некоторые элементы геноцида. Но я также надеюсь, что включение геноцидной резни уменьшит противоречия при отборе случаев так, чтобы внимание к человеку могло преобладать над почти непреодолимой проблемой точности в классификации» (Kuper, 1981, p. 10).

Эта формулировка не конкретна: например, признаваемый геноцидом Холокост тоже привёл к уничтожению «части группы». Формулировку Купера конкретизируют в целом так: «Геноцид в общем смысле — это массовое убийство значительного числа людей, совершаемое не в ходе военных действий против вооружённых сил явного противника, в условиях крайней беззащитности и беспомощности жертв. Геноцидная резня — массовое убийство, как определено выше в общем определении геноцида, но при котором массовое убийство происходит в меньших масштабах, то есть погибает меньшее число людей» (Charny, 1997, p. 76). Такая конкретизация оставляет неясным, что конкретно значат эти «меньшие масштабы». В официальном определении ООН нет количественных показателей геноцида. В связи с этим понятие «геноцидная резня» трудно признать приемлемым.

Таким образом, действия секты Цзиньдандао в отношении монголов являлись геноцидом, устроенным на их родине иноземными колонизаторами.

Я благодарю М. М. Игнатову за переводы с китайского языка.

Территория, охваченная мятежом Цзиньдандао:

1 – хошун Дзун-Оннюд; 2 – хошун Барун-Оннюд; 3 – аймак Аохан; 4 – аймак Найман; 5 – хошун Барун-Харачин; 6 – хошун Дунд-Харачин; 7 – хошун Дзун-Харачин; 8 – хошун Барун-Тумэд; 9 – хошун Дзун-Тумэд. Стрелками показаны направления ударов цинских войск по мятежникам

Литература и источники

- АВПРИ, ф. КС – Архив внешней политики Российской империи, ф. Китайский Стол, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow (in Russian)].
- Баранов. *Харачины в хошуне Джасакту-вана*. Харбин, 1907 [Baranov. *The Kharachins in the Jasagt Wang khoshun*. Harbin, 1907 (in Russian)].
- Ван Гоцзюнь. *Мэнгу цзивэнь (Записки о Монголии)*. Редакторы и комментаторы Ма Си, Сюй Шимин. Хух-хото, 2006 [Wang Guojun. *Menggu jiwen (Recollections of Mongolia)*. Hohhot, 2006 (in Chinese)].
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // *Восток*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S.V., Kuzmin S.L. Qing Empire as China: an anatomy of historical myth. *Oriens*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].
- Калужная Н.М. Антимиссионерские выступления в Китае (1886–1893). *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1963. № 66. С. 69–81 [Kalyuzhnaya N.M. Anti-missionary riots in China (1886–1893). *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii*. 2006. No. 66. Pp. 69–81 (in Russian)].
- Климов А.Я. *Внутренняя Монголия и Китай (история взаимоотношений с 1911 г.)*. Канд. дисс. Б.м., 1945 [Klimov A.Ya. *Inner Mongolia and China (history of relations since 1911)*. Ph.D. Diss. S.l., 1945 (in Russian)].
- Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл. Баримт бичгийн эмхтгэл (1900–1914)*. Улаанбаатар, 1982 [Fight of Mongolian people in 1911 for independence and national liberation. Collection of documents (1900–1914). Ulaanbaatar, 1982 (in Mongolian)].
- Позднеев А. *О последнем китайском восстании в юго-восточной Монголии и причинах противохристианских восстаний в Китае вообще*. С.-Петербург, 1896 [Pozdnev A. *On the last Chinese rebellion in the SE Mongolia and causes of anti-Christian rebellions in China in general*. St. Petersburg, 1896 (in Russian)].
- Позднеев А. *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг.* Т. 2. С.-Петербург, 1898 [Pozdnev A. *Mongolia and the Mongols. Results of the travel to Mongolia in 1892–1893*. Vol. 2. St. Petersburg, 1898 (in Russian)].
- Поршнева Е.Б. *Учение «Белого лотоса» – идеология народного восстания 1796–1804 гг.* М., 1972 [Porshneva E.B. *The “White Lotus” teaching, the ideology of people’s rebellion in 1796–1804*. Moscow, 1972 (in Russian)].
- Тан Кайцзянь, Чжан Бянь. 1891 нянь Жэхэ Цзиньдандао чи чжун дэ мэн хань миньцзу чжунту. *Сибэй Минзу дасюэ сюэбао чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань*. 2005. № 6. С. 17–22 [Tan Kaijiang, Zhang Bian. *The 1891 ethnic conflict Jindandao between Mongolian and Han in Rehe. Xibei Minzu daxue xuebao zhexue shehui kexue ban*. 2005. No. 6. Pp. 17–22 (in Chinese)].
- Тихвинский С.Л. Политика «самоусиления» – средство подавления народного недовольства в Цинском Китае. *Страны и народы Востока*. 1971. Вып. 11. С. 66–77 [Tikhvinskii S.L. The “self-strengthening” policy, a tool for suppression of people’s discontent in Qing China. *Strany i narody Vostoka*. 1971. No. 11. Pp. 66–77 (in Russian)].
- Фрозе Б. Восточная Монголия и ее колонизация. *Вестник Азии*. 1911. № 10. С. 90–136 [Froze B. Eastern Mongolia and its colonization. *Vestnik Azii*. 1911. No. 10. Pp. 90–136 (in Russian)].
- Цогту О. *Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев*. С.-Петербург, 2020 [Tsogtu O. *Tragedy of Steppe: Inner Mongolia under the rule of Mao Zedong. Eyewitness accounts*. St. Petersburg, 2020 (in Russian)].
- The anti-foreign riots in China in 1891*. Charleston, 2003.
- Borjigin B. The complex structure of ethnic conflict in the frontier: through the debates around the ‘Jindandao incident’ in 1891. *Inner Asia*. 2004. Vol. 6. No 1. Pp. 41–60.
- Charny I.W. Toward a generic definition of genocide. *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions*. Philadelphia, 1997. Pp. 64–95.

Hyer P. *The Chin-tan-tao movement, a Chinese revolt in Mongolia (1891)*. *Altaica* (Helsinki), 1977. Pp. 105–112.

Kuper L. *Genocide. Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven–London, 1981.

McCaffrey C. From chaos to a new order: rebellion and ethnic regulation in late Qing Inner Mongolia. *Modern China*. 2011. Vol. 37. No. 5. Pp. 528–561.

Sato Kimihiko. Yi ba Kyu yi-Toshi netsu kawa no jin Ni-do hoki (The insurrection of Jindandao 金丹道 in Jehol in 1891). *Studies in Oriental History*. 1984. Vol. 43. No. 2. Pp. 275–309 (in Japanese).

Shek R. The Revolt of the Zaili, Jindan sects in Rehe (Jehol), 1891. *Modern China*. 1980. Vol. 6. No. 2. Pp. 161–196.

Translation of the Peking Gazette for 1891. Shanghai, 1892.